

В. В. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Гоголь

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — один из крупнейших представителей помещного стиля 30-х и начала 40-х годов на Украине, в местечке Сорочинцах, на границе Полтавского и Миргородского уездов. Главнейшие этапы его жизни таковы: детство свое до 12 лет он проводит в мелком поместье своего отца — Васильевке, с 1821 по 1828 год учится в Нежинской гимназии высших наук, семь лет (1828–1836) — с короткими перерывами — живет в Петербурге; 1836–1849 годы проводит, с перерывами, за границей; с 1849 года поселяется в Москве, где и живет до самой смерти. Обстановку своей усадебной жизни Гоголь позднее сам характеризует в своем письме к Дмитриеву, писанном из Васильевки летом 1832 года. «Чего бы, казалось, не доставало этому краю? Полное, роскошное лето. Хлеба, фруктов, всего растительного — гибель. А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатны... Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они (помещики) рыскают с горя за зайцами... Деньги здесь совершенная редкость». Отъезд Гоголя в Петербург был вызван отталкиванием его от социально-никчемной и экономически разоряющейся мелкопоместной среды, представителей которой он презрительно называет «существователями». Петербургский период характеризуется знакомством Гоголя с чиновной средой (служба в департаменте уделов с 1830 по 1832 год) и сближением с крупнопоместной и великосветской средой (Жуковский, Пушкин, Плетнев и др.). Здесь Гоголь издает целый ряд произведений, имеет большой успех и окончательно приходит к мысли, что он послан на землю исполнить божественную волю в качестве пророка и проповедника новых истин. За границу уезжает вследствие усталости и огорчения от театральных интриг и шума, поднятого вокруг постав-

ленной на Александринской сцене комедии «Ревизор». Живет за границей, главным образом в Италии (в Риме), и работает там над первой частью «Мертвых душ». В 1847 году издает дидактическое сочинение «Выбранные места из переписки с друзьями». За границей же приступает к работе над второй частью «Мертвых душ», где пытается изобразить положительные типы помещико-чиновного круга. Чувствуя непосильность взятой им на себя задачи, Гоголь ищет выхода в личном самоусовершенствовании. Им овладевают религиозно-мистические настроения, и с целью душевного обновления он предпринимает путешествие в Палестину (1848). Московский период характеризуется продолжением неудавшейся работы над второй частью «Мертвых душ» и все прогрессирующим психическим и физическим развалом личности писателя, завершающимся, наконец, трагической историей сожжения «Мертвых душ» и смертью.

При первом взгляде на гоголевское творчество нас поражает разнообразие изображаемых им социальных групп, как будто бы не имеющих друг с другом ничего общего. В 1830 году появляется в печати первое произведение Гоголя — идиллия из немецкой жизни — «Ганц Кюхельгартен»; с 1830—1834 годов создается целый ряд украинских повестей и рассказов, объединенных в сборники — «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». В 1839 году издается давно задуманный и тщательно обработанный роман из той же жизни «Тарас Бульба»; в 1835-м появляется красочный рассказ из жизни помещичьей среды «Коляска»; в 1842-м — комедия «Игроки»; в 1834—1842 годах создаются одна за другой главы первой части «Мертвых душ», которая с небывалой широтой охватывает помещичью жизнь дореформенной провинции, и кроме того целый ряд произведений из жизни чиновного круга; в 1834 году появляются «Записки сумасшедшего», в 1835-м — «Нос», в 1836-м — «Ревизор» и в 1842-м — «Шинель». За это же время Гоголь пытается изобразить и интеллигентов — писателей и художников — в повестях «Невский проспект» и «Портрет». С 1836 года Гоголь создает серию эскизов из жизни крупнопоместной и великосветской среды. Появляется целый ряд незаконченных произведений из жизни этого круга: отрывок «Утро делового человека» (1836), «Лакейская» (1839), «Тяжба» (1840), неоконченная повесть «Рим» (1842) и, наконец, до 1852 — года своей смерти — Гоголь упорно работает над второй частью «Мертвых душ», где большинство глав посвящается изображению крупнопоместного круга. Гений Гоголя как бы преодолевает и хронологические и социальные границы и сверхъе-

стественной силой воображения широко охватывает и прошедшее и настоящее.

Однако таково только первое впечатление. При более внимательном изучении гоголевского творчества вся эта пестрая вереница тем и образов оказывается связанной органическим родством, выросшей и развившейся на одной и той же почве. Этой почвой оказывается мелкое поместье, выращившее и воспитавшее самого Гоголя. Через все произведения Гоголя, характеры их, лица, сцены и движения перед нами встает постепенно во весь рост образ мелкого помещика дореформенной поры во всех своих экономических и психологических вариациях. Уже сама внешняя история гоголевского творчества дает нам это почувствовать. Самое крупное и значительное произведение Гоголя — «Мертвые души» — как раз и посвящается изображению основного пласта мелкопоместной среды, изображению различных типов мелких помещиков, не порвавших своих связей с мелкой усадьбой и мирно доживающих свой век в глухих провинциальных имениях.

Гоголь чрезвычайно рельефно показывает разложение поместно-патриархальных устоев. Обширная галерея выведенных здесь поместных «существователей» ярко иллюстрирует всю их социальную никчемность. И чувствительный, мечтательный Манилов, и шумный, деятельный Ноздрев, и хладнокровный, рассудительный Собакевич, и, наконец, самый синтетический тип Гоголя — Чичиков — все они мазаны одним миром, все они или сущие бездельники, или же бестолковые, бесполезные хлопотуны. При этом они совершенно не отдают себе отчета в своей никчемности, а наоборот чаще всего убеждены, что они — «соль земли». Отсюда и вытекает весь комизм их положения, отсюда и вытекает «горький смех» Гоголя над своими героями, пронизавший все его творчество. Никчемность и самомнение героев Гоголя составляют скорее их беду, чем их вину: поведение их диктуется не столько их личными качествами, сколько их социальной природой. Свободный от всякой серьезной и ответственной работы, лишившись всякого творческого значения, поместный класс в своей массе обленился и одурел от праздности. Жизнь его, лишенная серьезных интересов и забот, обратилась в праздное прозябание. А между тем эта пустяковая жизнь выдвигалась на авансцену, царила, как светильник на горе. Лишь исключительные люди из помещичьей среды угадывали, что такая жизнь не светильник, а коптилка. А рядовой, массовый помещик, который и служил главным объектом гоголевского творчества, коптил небо и в то же время озирался ясным соколом.

Переход от поместных тем к темам чиновным совершился у Гоголя вполне естественно, как отображение одного из путей эволюции поместной среды. Перерождение помещика в городского жителя — чиновника — было в те времена довольно частым явлением. Оно принимало все более крупные размеры в зависимости от растущего разорения помещичьего хозяйства. Разорившийся и обедневший помещик пристраивался на службу, чтобы поправить обстоятельства, понемногу оперялся на службе, норовя вновь обзавестись деревенькой и вернуться в лоно родной ему поместной среды. Между поместной и чиновной средой существовала теснейшая связь. Обе среды находились в постоянном общении. Помещик мог перейти и часто переходил в ряды чиновников, чиновник мог вновь вернуться и часто возвращался к поместной среде. Как член поместной среды, Гоголь постоянно соприкасался и с чиновной средой. Он сам служил и, следовательно, пережил сам кое-что из психологии этой среды. Неудивительно, что Гоголь явился художником чиновного круга. Легкость перехода от изображения поместной к изображению чиновной среды очень хорошо иллюстрирует история комедии «Женитьба». Комедия эта задумана Гоголем и набросана еще в 1833 году под заглавием «Женихи». Здесь действующие лица все помещики, а действие разыгрывается в усадьбе. В 1842 году Гоголь переделывает комедию для печати, вводит несколько новых лиц, но все старые сохраняются, не меняясь нисколько в своих характерах. Только теперь все они чиновники, и действие разыгрывается в городе. Социально-экономическое родство неизбежно связывается с родством психологическим; оттого-то и психология чиновного круга в своих типических чертах была однородна с психологией круга поместного. Сравнивая между собою героев поместных и чиновных, мы уже при первом взгляде можем установить, что они очень близкие родственники. Между ними также встречаются и Маниловы, и Собакевичи, и Ноздревы. Чиновник Подколесин из комедии «Женитьба» очень близок к Ивану Федоровичу Шпоньке; чиновники Кочкарев, Хлестаков и поручик Пирогов являют нам Ноздрева в чиновничьем мундире; Иван Павлович Яичница и городничий Сквозник-Дмухановский отличаются складом характера Собакевича.

Однако разрыв с помещичьей усадьбой, бегство в город происходило не только по экономическим мотивам и не только в чиновники. Вместе с распадом экономическим пошатнулась и примитивная гармония поместной психики. Вместе с вторжением денег и обмена, разрушивших крепостное натуральное хозяй-

ство, вторглись новые книги и новые идеи, проникая в самые глухие закоулки провинции. Эти идеи и книги в молодых и хоть сколько-нибудь деятельных умах зарождали неопределенную жажду той новой жизни, о которой говорилось в этих книгах, рождали смутный порыв уйти из тесной усадьбы в неизвестный новый мир, где возникали эти идеи. Порыв обращался в действие, и находились личности, правда исключительные, которые отправлялись на поиски этого нового мира. Чаще всего эти поиски приводили все в то же чиновное болото и кончались возвращением в поместье, когда наступал так называемый «благоразумный возраст». В исключительных случаях эти искатели попадали в ряды интеллигентных работников, писателей и художников. Так создавалась ничтожная численно группа, в которой сохранились, конечно, типичные черты поместной психики, но которая пережила чрезвычайно сложную эволюцию и приобрела свою особенную и резко отличную физиономию. Энергичная работа мысли, общение с разночинной интеллигенцией или, в случае успеха, с великосветскими кругами — сильно отзывались на психологии этой группы. Здесь разрыв с поместьем был гораздо глубже и решительнее. Психология и этой группы была также близка Гоголю. Гениальный художник мелкопоместной среды не мог не изведать и не воспроизвести всех путей развития своей общественной группы. Изобразил он ее и вступившей в ряды городской интеллигенции. Но только этих выходцев из мелкопоместного мира и увидел он в мире городской интеллигенции, создавши образы двух художников: маниловски-чувствительного Пискарева и ноздревски-деятельного Черткова. Коренная городская интеллигенция, интеллигенция помещичьей верхушки и профессиональная буржуазная интеллигенция остались вне поля его зрения. Вообще сильная интеллектуальная жизнь осталась за пределами гоголевских достижений именно потому, что интеллектуальная культура мелкопоместного круга была довольно элементарной. Это и было причиной слабости Гоголя, когда он брался за изображение интеллигенции, но это же было причиной того особенно проникновенного достижения психологии рядового «существователя» из поместного и чиновного круга, к-рое дало ему право на вечность в качестве художника этих кругов.

В попытках Гоголя изобразить великосветский круг отразилось сходство последнего в типичных чертах со средой мелкопоместной. Оно несомненно, и Гоголь отчетливо это чувствует. Однако, всматриваясь в созданные Гоголем отрывки и незаконченные произведения из жизни великосветского круга, чувствуешь, что

в этой области Гоголь едва ли сумел бы создать что-нибудь серьезное и глубокое. Очевидно, переход от среды мелкопоместной и чиновной к среде крупнопоместной и великосветской оказывался вовсе не таким легким, как это казалось художнику. Очевидно, художнику мелкопоместного круга было так же трудно перейти к изображению крупнопоместного, как трудно и почти невозможно было мелкому помещику превратиться в крупнопоместного туза или великосветского льва. Comme il faut'ное воспитание и хотя бы поверхностное, но не лишенное блеска образование настолько усложнили эту психологию, что сходство стало очень отдаленным. Потому-то и попытки Гоголя захватить своей кистью верхние слои помещичьего круга оказались не совсем удачными. Тем не менее при всем несовершенстве этих отрывочных набросков было бы несправедливо отрицать за ними значение: Гоголь намечает здесь ряд совершенно новых характеров, которые лишь много времени спустя получили яркое художественное выражение в творчестве Толстого и Тургенева.

Мы уже отмечали выше, что неприглядная действительность мелкопоместного существования во всем молодом и хоть сколько-нибудь деятельном вызывала протест и порывы уйти на поиски другой более интересной и плодотворной жизни. Эти порывы уйти подальше от своей среды и хотя бы в мечтах пожить с иными живыми людьми в творчестве Гоголя отразились в виде перехода от мотивов поместных к мотивам подражательным и историческим. Уже самое раннее его произведение «Ганц Кюхельgarten», представляющее собою подражание то Пушкину, то Жуковскому, то немецкому поэту Фоссу, является попыткой перенести тоскующего поместного героя — «искателя» — в обстановку экзотической жизни. Правда, попытка эта оказалась неудачной, ибо мелкопоместному герою с его тощим кошельком и не менее тощим образованием экзотика была не к лицу, но тем не менее «Ганц Кюхельgarten» представляет для нас значительный интерес в том смысле, что здесь мы впервые встречаемся с темой противопоставления сонному бездейтельному существованию — жизни, богатой яркими впечатлениями и необычайными приключениями. Тема эта разрабатывается и впоследствии Гоголем в целом ряде его произведений. Только теперь, отказавшись от неудавшихся ему экзотических экскурсий, Гоголь обращает свои мечты в прошлое Украины, столь богатое энергичными, страстными натурами и бурными, потрясающими событиями. В его украинских повестях мы также наблюдаем противопоставление пошлой действительности и яркой мечты, только здесь реальным обра-

зам, возвращенным мелкопоместной средой, противопоставляется не совершенно чуждая Гоголю экзотика, а образы, усвоенные им через казацкие думы и песни, через предания старой Украины и наконец через знакомство с историей украинской народности. Как в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», так и в «Миргороде» мы видим, с одной стороны, большую группу мелкопоместных небокоптителей, наряженных в казацкие свитки, с другой — идеальные типы казаков, конструируемые на основании поэтических отголосков казацкой старины. Изображенные здесь пожилые казаки — Черевик, Макогоненко, Чуб — ленивые, грубые, плутовато-простодушные, крайне напоминают помещиков собакевичевского склада. Образы этих казаков яркие, живы и оставляют незабываемое впечатление; наоборот, идеальные образы казаков, навеянные малорусской стариной — Левко, Грицько, Петрусь, — крайне нехарактерны, бледны. Это и понятно, т. к. живая жизнь влияла на Гоголя, конечно, сильнее и глубже, чем чисто литературные впечатления.

Обращаясь к рассмотрению композиции гоголевских произведений, мы замечаем и здесь доминирующее влияние мелкопоместной среды, которая и дала структуре его произведений действительно оригинальные, чисто гоголевские черты. Одной из таких крайне характерных черт гоголевской композиции, резко отличающей его от других крупных художников слова, является отсутствие в его произведениях главного действующего лица — героя. Объясняется это тем, что Гоголь является художником рядовой личности, которая не может стать первенствующим героем, ибо и все окружающие — такие же равные герои. Оттого-то у Гоголя всякая личность одинаково интересна, описана со всей тщательностью, всегда очерчена ярко и сильно, и если у Гоголя нет героев, то зато нет и толпы. К этому нужно добавить еще, что все образы Гоголя носят, так сказать, статический характер. Ни в одном из произведений Гоголя не встретишь изображения эволюции, развития характера, по крайней мере изображения удачного. Слишком уж примитивны и несложны его действующие лица, чтобы заниматься их эволюцией! Благодаря последнему обстоятельству и самое развитие гоголевского творчества шло весьма своеобразно: Гоголь не мог разворачивать своих произведений вглубь путем изображения хронологического и психологического роста своего героя, но зато он тем пространнее разворачивался вширь, фиксируя в своих произведениях все большее и большее количество характеров. Другой характерной чертой гоголевской композиции, встречающейся, впрочем,

и у всех других художников поместной среды, является медленность и обстоятельность повествования; последовательно, плавно и спокойно развертывает Гоголь перед читателем картину за картиной, событие за событием. Ему спешить некуда и волноваться незачем: окружающая его поместно-крепостная жизнь течет медленно и однообразно, и годами и даже десятилетиями все остается таким же неизменным в любом дворянском гнезде. Медленность и обстоятельность повествования выражается у Гоголя в преобладании эпического элемента над драматическим, рассказа над действием; они проявляются в обилии широких картин, особенно картин природы, во множестве портретов, отличающихся тщательностью отделки, наконец, в обилии отступлений всякого рода, субъективных размышлений и лирических излияний автора. При этом, исследуя внимательно каждый отдельный структурный компонент повествования, мы замечаем, что как изобразитель природы Гоголь складывался почти исключительно под влиянием украино-казацкой стихии. Его пейзажи не возникли под живым воздействием непосредственных впечатлений, а родились в результате литературных воздействий и творческой работы воображения. Пейзажи Гоголя не обладают внутренней силой, зато пленяют нас внешней красотой речи и грандиозностью образов. Если как пейзажист Гоголь меньше всего черпал из родной ему поместной среды, то наоборот в качестве жанриста он берет больше всего из мелкого поместья и провинциального города. Здесь картины его дышат жизнью и правдой. Мелкое и среднее поместье, провинциальный город, ярмарка, бал — вот где его творческая кисть дает оригинальные и художественно-законченные картины. Там же, где он пытается выйти за эти пределы, картины его становятся бледными и подражательными. Таковы его попытки изобразить большой европейский город в повести «Рим» или светский бал в «Невском проспекте». В жанровых картинах казацкой Украины Гоголь также не отличается большой изобразительной силой. Здесь наиболее удаются ему батальные картины, в изображении которых Гоголь удачно пользуется поэтическими приемами украинской народной поэзии. Что касается данных Гоголем зарисовок внешности его героев, то он дает в своих произведениях большую коллекцию портретов первого класса достоинства. Портретизм Гоголя объясняется тем, что дореформенный поместный уклад представлял особые удобства для портретного изображения. Быстрая смена вещей и лиц, характерная для менового хозяйства, здесь не имела места; наоборот, дореформенный помещик, прикрепленный

к одному месту и изолированный в своей усадьбе от целого мира, представлял собою крайне устойчивую фигуру с вечно неизменным образом жизни, с традиционными манерами, с традиционным покроем платья. Однако у Гоголя лишь те портреты и обладают художественной ценностью, которые воспроизводят образы помещного и чиновного мира; там, где Гоголь, пытаясь уйти от этих уныло-пошлых образов, создает демонические или прекрасные портреты, краски его теряют яркость и оригинальность. В связи с уже указанными особенностями композиции стоит еще одна специфически-присущая Гоголю структурная черта, а именно отсутствие в строении его произведений стройной связанности, органического единства. Каждая глава, каждая часть произведения у Гоголя представляет нечто законченное, самостоятельное, связанное с целым чисто механической связью. Эта механичность структуры гоголевских произведений является, однако, далеко не случайной. Она как нельзя более подходит для передачи особенностей изображаемой Гоголем социальной стихии. Органическая связанность не только не нужна была Гоголю, но была бы прямо-таки у него неуместна, между тем как механичность произведения уже сама по себе заставляет читателя чувствовать всю примитивность и несложность жизни в мелкопоместной и мелкочиновной провинциальной глуши, отсутствие в ней ярких личностей и глубоких социальных связей, отсутствие в ней развития, стройности и связанности. К особенностям архитектоники произведений Гоголя нужно отнести еще введение фантастики. Фантастика эта у Гоголя также носит крайне своеобразный характер. Это не мистика и не видение, не фантастика сверхъестественного, а фантастика чепухи, бессмыслицы, выросшая на основе глупости, нелепости и алогизма мелкопоместной среды. Она уходит своими корнями во вранье Хлестакова и Ноздрева, вырастает из гипотез Аммоса Федоровича и дамы «приятной во всех отношениях». Гоголь умело пользуется этой фантастикой и с помощью ее ярче и выпуклее рисует перед нами всю беспросветную обыденщину и пошлость изображаемой им социальной среды.

Язык Гоголя производит двойственное впечатление. С одной стороны, звучит речь мерная, закругленная, торжественная — что-то песенное слышится в ритме и оборотах этой речи. Она изобилует лирическими отступлениями, эпитетами и тавтологиями, т. е. как раз теми литературными приемами, которые свойственны эпической народной поэзии и украинской думе. Такой стиль Гоголь применяет главным образом в произведениях, изо-

бражающих жизнь казачества. Однако те же приемы торжественного стиля Гоголь нередко употребляет и при изображении окружающей его реальной жизни, и таким образом получается новый эстетический эффект. Несоответствие стиля и содержания вызывает неудержимый смех; контраст содержания с формой ярче обрисовывает сущность содержания. Гоголь щедро и с большим искусством воспользовался этим контрастом. То свойство гоголевского творчества, которое обозначают словом юмор, в значительной мере сводится к этому контрасту. Но все же при изображении реальной жизни не эти приемы играют первенствующую роль, не они дают тон стилю. Здесь выступает на сцену другой ряд стилистических приемов, присущих гоголевскому творчеству, выхваченных из самой жизни и великолепно передающих характерные особенности социального уголка, изображаемого Гоголем. Из них в первую очередь нужно упомянуть об алогизмах, т. е. о фразах, составленных совершенно нелогично, по типу «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Алогизмами пестрит речь гоголевских героев; невежество, глупость и пустомыслие мелкопоместных существователей находят свое выражение в высказывании всевозможных нелепых гипотез, в выставлении невероятных доводов для доказательства своих мыслей. Пустомыслие мелкопоместной среды неизбежно сопровождается и пустословием; недостаток идей, слабость умственного развития влечет за собою и неумение владеть речью, малый запас слов, косноязычие. Пустословие в гоголевском языке передается путем применения особого приема амплификации. Амплификация, т. е. беспомощное топтание на месте, нагромождение фраз без подлежащего и сказуемого, или фраз, совершенно ненужных по смыслу речи, пересыпание речи ничего не значащими словами, вроде «того», «оно», «в некотором роде» и др., великолепно передает речь неразвитого человека. Из других приемов нужно еще отметить употребление провинциализмов, фамильярность языка и характерные сравнения. Провинциализмы, которыми обильно уснащена гоголевская речь, представляют собой нередко грубые, но всегда яркие и характерные слова и выражения, на которые весьма изобретательна была помещная, а в еще большей степени чиновная среда дореформенной поры. Фамильярность языка, столь любимая Гоголем как прием, была нужна ему для передачи той особенной короткости отношений, какая создавалась в условиях мелкопоместной жизни. Грубоватая патриархальность мелкопоместной и мелкочиновной среды и в то же время дробление ее на мелкие группки вели к тому, что люди знали друг о друге всю

подноготную, были близки друг другу почти по-родственному. Сравнения, употребляемые Гоголем в его реальном языке, взяты также, за немногими исключениями, из обихода поместно-чиновного круга. Только некоторые сравнения явно заимствованы им из народной поэзии; большинство же их наоборот отличается исключительной оригинальностью, конструируясь из своеобразных элементов мелкопоместного и мелкочиновного быта.

Творчество Гоголя, как и творчество всякого писателя, не представляет собой совершенно изолированного явления, а наоборот является одним из звеньев непрерывно развивающейся литературной цепи. С одной стороны, Гоголь продолжатель традиций сатирической литературы (Нарежный, Квитка и др.) и является самым лучшим их выразителем; с другой — он основатель и вождь нового литературного течения, так называемой «натуральной школы».

Всемирная известность Гоголя зиждется на его художественных произведениях, но выступал он и как публицист. Из публицистических его вещей в свое время сделали много шума «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Исповедь», где Гоголь берет на себя роль проповедника и учителя жизни. Эти публицистические выступления Гоголя были крайне неудачны как по своей философской наивности, так и по крайней реакционности высказываемых мыслей. Следствием этих выступлений явилась известная убийственная отповедь Белинского. Однако, несмотря на то, что Гоголь субъективно был представителем и защитником реакционных интересов поместного дворянства, объективно он своей художественной деятельностью служил делу революции, пробуждая у масс критическое отношение к окружающей действительности. Так оценивали его в свое время Белинский и Чернышевский, и таким вошел он и в наше сознание.

